

ЛАТВИЯ И ЛАТЫШИ В МИРЕ

Вступительная лекция на I Всемирном конгрессе латышских врачей 19 июня 1989 года

Я. СТРАДЫНЬ

Рига

Прежде всего хочется выразить глубокое удовлетворение по поводу того, что сегодня здесь на своем первом конгрессе, конгрессе единения, смогли собраться медики-латыши со всего мира. Значение этого конгресса далеко превышает значение чисто профессионального съезда: это первое столь большое мероприятие единения латышей в Латвии после войны. Поэтому в столь определяющее для Латвии время давайте вместе размышлять о проблемах общего характера: о Латвии и латышах на нашей планете, об историческом месте Латвии между Востоком и Западом, об идентичности и единстве латышской нации, о престиже Латвии и латышей в мире.

Латыши — численно небольшой народ, приблизительно 1,6 миллиона человек во всем мире, к тому же, кажется, единственная из коренных наций в Европе, численность которой в XX веке суммарно уменьшилась. По крайней мере, по сравнению с 1930 г. общее количество латышей в мире в лучшем случае сохранилось без изменений.

Латыши еще пока не являются меньшинством в Латвии. Если мои расчеты верны, то количество латышей по переписи населения 1989 года немногим превышает 51% населения Латвии, более точные данные Статистическое управление обещает дать в августе сего года*. На существование латышской нации тяжело повлияла война, репрессии, эмиграция и иммиграция, демографическая де-

* По официальным данным переписи 1989 г. латыши составляют 52% общей численности населения Латвии. Некоторые демографы ставят эту цифру под сомнение, считая что она завышена.

прессия (последняя — особенно в роковое десятилетие 1970—1979 гг.). Нам сегодня хорошо известны причины, по которым это происходило.

Сегодня перед латышской нацией стоят три основные, взаимосвязанные проблемы: обретение независимости, экономическое благополучие, сохранение и преумножение живой силы народа (включая здравоохранение, оздоровление среды и стабилизацию демографической ситуации, что в значительной степени зависит и от медиков). Для будущего все эти три проблемы важны в равной степени.

По-моему, в истории Латвии и латышей четко выделяются три мотива. Первый: сохранить свою национальную идентичность, менталитет, динамическую культуру, остаться не только в «Красной книге» истории, но и уверенно выступать на политической сцене Европы. Малому народу, само существование которого постоянно под угрозой, идентичность жизненно важна, и латыши изо всех сил, отчаянно держатся своего наследия; мы видим сейчас, как костер национального самосознания снова разгорелся, хотя, казалось бы, он уже почти совсем погас.

Второй мотив: это мост на большой, но совсем не гладкой дороге Восток—Запад. Связи на ней столетиями налаживали немцы, которые были не только порабителами латышей, но в известной мере и носителями культурной миссии. При их посредничестве в Латвии утвердилось христианство, многие элементы западноевропейской культуры, в том числе и современная медицина, которую здесь первоначально представляли немецкие врачи. В XIX веке в немецком Дерптском (Тартуском) университете выросли и первые медики-латыши. История латышам отвела роль сироты на перекрестках Европы. Географическое положение Латвии является единственным богатством латышей (если не считать их самих, т. е. ум, руки, трудолюбие), но здесь кроется и несчастье латышей. И все же мы должны этим умело и разумно воспользоваться.

В настоящий момент народы Балтии являются проводниками европеизации, вестернизации бывшего Советского Союза, носителями слабых ростков демократии в этом огромном полуазиатском организме, что наглядно проявилось на I съезде народных депутатов СССР, в котором участвовали в качестве депутатов и несколько вра-

чей из Латвии. Это имеет первостепенное значение для будущего и Латвии, и России.

Третий мотив: это революционные традиции латышского народа, Каугурское восстание, 1905 год, традиции латышских стрелков, войны за освобождение Латвии, национального пробуждения и борьбы за право на государственное самоопределение. Завоеватели вытаптывали латышский народ, как траву, но с наступлением новой весны она поднималась вновь и вновь. Эта традиция постоянной борьбы, в сочетании с консерватизмом, мудростью и трудолюбием крестьянина, позволила народу выжить.

Латышам издревле присущ менталитет народа-крестьянина: основательность, некоторое тугодумие, приверженность к привычному. Поэтому в самостоятельно написанной истории латышей революционные и эволюционные этапы были достаточно мудро уравновешены. Сегодня особо важно сочетать разумно все три момента: сохранить народ (вкладывая в это понятие идентичность и демографию), осуществлять миссию посредника между Европой и Азией, добиваться права на самоопределение и восстановление независимости Латвии. Это необходимо, чтобы сохраниться и чтобы приобрести возможность дальнейшего развития.

«Эта живая сила народа стоит больше всего нашего материального благосостояния. Государства возникали и гибли, но здоровые в физическом и духовном отношении народы, как живые организмы, сохраняли свой язык и свою культуру на протяжении столетий»,* — говорил Паул Страдынь на торжественном собрании 14 ноября 1937 года, посвященном основанию Общества содействия здоровью.

До самого конца XIX столетия латыши держались родного хутора, волости, края, отчизны. И все же по тем или иным причинам латышам приходилось покидать свою родину. В мире постепенно сформировалась диаспора латышей или латышская эмиграция.

Еще до второй мировой войны значительная часть латышей жила вне своей историко-этнической территории (в 1897 г. — 8%, в 1914 — 13%, в 1937 — 16%). В настоящее время за пределами бывшего СССР проживает 150—160 тыс. латышей, около 90 тыс. латышей проживает вне

* Страдынь П. И. Избранные труды. — Рига: Зинатне, 1965. — Т. 3. — С. 299.

Латвии, на территории бывшего Советского Союза; таким образом, за рубежом живет около 10%, в других республиках — около 5% от общего количества латышей*.

Для сравнения вспомним, что классическими народами диаспоры являются евреи (80% евреев живет вне своей исторической территории), армяне (40%), ирландцы (30%, даже учитывая Северную Ирландию), венгры (30%), поляки (24%), греки (около 20%), литовцы (22%).

Различные экономические и политические причины, последствия военных действий заставлял латышей добровольно или насильственно покидать родину. Если исключить такие экзотические потоки, как появление колонии курземцев на острове Тобаго (в июле 1989 г. на острове будет отмечаться ее 300-летие), и эпизодический выезд отдельных латышей в Северную и Западную Европу в XIX в., то в XIX в. наибольший поток латышей устремился в различные губернии Российской империи. Эти колонии латышей в южной России, в Сибири, на Урале, в Белоруссии, в нечерноземной России просуществовали до самого конца 30-х годов нашего столетия. Они сильно пострадали в ходе сталинской коллективизации 1929 года, и в большинстве своем были уничтожены в 1937 году. Все же еще сохранились отдельные поселения латышей в России (в Башкирии и Сибири), и по России рассеяны потомки латышских интеллигентов, которые в свое время окончили Дерптский университет и высшие школы России. Одним из таких, к примеру, был учитель математики Рудольф Гангнус, питомец Московского университета, внуком которого является русский поэт Евгений Евтушенко.

Большая волна политической эмиграции латышей была следствием разгрома революции 1905 года. В эту волну попали, в частности, Райнис, Аспазия, К. Скалбе, А. Кирхенштейн, К. Улманис и др. Эмигранты этой волны после основания Латвийской Республики в 1918 году, в большинстве своем возвратились в Латвию, или же они понемногу денационализировались (в США — так называемые старолатыши).

Первая мировая война вызвала мощный поток ла-

* В последнее время число проживающих вне Латвии, в других республиках бывшего СССР, латышей сильно сократилось: в соответствии с данными переписи 1989 г. оно составило 71 000 человек.

тышских беженцев в Россию, большинство которых также вернулись в Латвию в начале 20-х годов. Однако многие тогда остались по политическим мотивам в Советской России. Даже в рамках коммунистической идеологии в среде оставшихся во многих городах и селах СССР латышей до 1937 года велась оживленная национально-культурная деятельность, но эту часть латышей перемолотило колесо сталинских репрессий 30-х годов, все центры латышской культуры в СССР были разгромлены. Большинство латышей, которые после 1940—1945 гг. не вернулись в Латвию, утратили свою национальную идентичность; многих же из вернувшихся можно рассматривать как жертвы сталинского режима в том смысле, что их сознание и сознание их детей безвозвратно было деформировано в духе тоталитарной коммунистической идеологии.

Еще одна волна экономической эмиграции, правда, не столь большая, последовала в 1922 году: ряд латышских семей, в основном баптисты, выехали в Бразилию.

Все эти эмиграционные потоки блекнут, однако, на фоне трагедии латышского народа, разыгравшейся в период второй мировой войны. В результате подписания пакта Молотова—Риббентропа вначале, в 1939—1941 гг., последовала репатриация балтийских немцев, и Латвия потеряла издревле укоренившееся и сросшееся с латышской землей немецкое меньшинство с его культурой. Вместе с ними свою родину покинуло какое-то число латышей в страхе перед сталинскими репрессиями, которые и не заставили себя долго ждать. Депортации, начавшись уже в 1940—1941 гг., массово продолжались в роковой 1941 год, в ночь с 13 на 14 июня, потом в конце 40-х гг., когда были депортированы латышские крестьяне, особенно 25 марта 1949 года. Общее число депортированных — не менее 140 тыс., а по некоторым данным — даже 200 тыс.

Незаконные аресты и переселение жителей Латвии продолжались беспрерывно до самой смерти Сталина, впрочем, и после нее. Среди депортированных были и врачи: директор департамента здравоохранения О. Алкс, врачи Я. Ледыньш, В. Дэрумс, Н. Столыгво, Я. Скуя, Т. Упнерс, Я. Вилде, К. Тиесниекс, К. Катлапс и др. Часть депортированных, когда появилась возможность, возвратились на родину, но большинство погибло.

Страх перед депортацией и опасения за жизнь вызвали большую волну эмиграции в Германию и Швецию в 1944—1945 гг. Большая часть латышских беженцев в конце 40-х годов оттуда переселилась в Великобританию, США, Канаду, Австралию, кое-кто в Латинскую Америку. Большую часть эмигрировавших в те годы латышей составляла интеллектуальная элита, наиболее предприимчивые состоятельные люди, и это сказалось на генофонде Латвии не в меньшей, а даже может быть в большей степени, чем депортация 40-х годов.

Эмигранты 1944—1945 гг. и их потомки составляют самую значительную часть латышской диаспоры. Каждая диаспора может спастись от ассимиляции только лишь в том случае, если ее поддерживает какая-то объединяющая идея, обычно это идея религиозная или национальная, как, например, мы это видим у армян и евреев. Для большинства зарубежных латышей характерно чрезвычайно высокое национальное и государственное самосознание, которое позволило им почти 50 лет сохранять свою национальную идентичность, будучи рассеянными по всему миру, и воспитывать в национальном духе все новые и новые поколения.

В связи с этим естественно возникает вопрос, является ли диаспора латышей лишь оторванной ветвью дерева народа, которая медленно засыхает, как это утверждал А. Упит в своем нашумевшем некогда произведении «Закат без солнца», или же в глобальных масштабах существует единый латышский народ на пяти континентах, и, как пишут: «солнце никогда не заходит над латышским народом».

До сих пор в Латвии запрещалось писать о земляках за границей, об их достижениях, проблемах. Лишь после 1988 г. и в официальных изданиях начинает прокладывать путь еще вчера запрещенная и охаянная концепция единого латышского народа, которую всеми правдами и неправдами власть имущие старались истребить.

Лишь теперь начинаем в полной мере сознать, сколь плодотворной была деятельность старшего поколения латышских писателей и художников в эмиграции, как выросшее за границей молодое поколение латышей преуспевает в науке, медицине, в других областях. Поразительно, как цепко латыши в эмиграции держались за национальную культуру, каково их упорство, трудолюбие,

высокий профессионализм, удачливость во многих начинаниях. Они сохранили национальные черты, идентичность, внутренние связи со своей исторической родиной, хотя и нередко избегали, и вполне обоснованно, связей через тогдашние официальные инстанции. Многие в течение прошедших лет сохранили обратную связь с родиной, с родными, друзьями, близкими. Достоянием всего латышского народа является та работа, которую проделали на чужбине Я. Яунсудрабиньш, З. Мауриня и многие другие. Отнять это у латышского народа было бы столь же нелогично, как исключить из латышской культуры произведения Райниса «Вей, ветерок», «Золотой конь», «Иосиф и его братья» и другие, только потому, что они были созданы в годы эмиграции (1905—1920 гг.) в Швейцарии.

В эмиграции выросло несколько поколений латышей с национальным складом мышления, с горячим желанием жить для Латвии, помогать ей, с высокой идеей государственности Латвии, с разветвленными национально-политическими организациями, приходами, школами.

Возвращаясь к 1944 году, хочу поделиться некоторыми личными воспоминаниями, которые частично связаны с медициной Латвии, ведь рос я в семье медика, профессора Паула Страдыня и с детских лет вращался в среде врачей. Будучи мальчиком, я мог воочию видеть многих выдающихся медиков Латвии в нашем доме, через улицу (в больнице) и в Юрмале. Это были: патриарх хирургии профессор Екаб Алкснис, основоположник латышской антропологии профессор Екаб Приманис, Петерис и Рейнхольдс Сникеры, бактериолог Эгон Дарзиньш и др. Хорошо помню таких деятелей латышской культуры, как профессор Лудис Берзиньш, Теодор Целмс, Зента Мауриня, Паулс Юревич, известный ученый инженер Алфредс Витолс.

В 1944 году в одно мгновение изменилась вся окружающая нас среда, мы очутились как бы в совершенно другом мире. Не стало тех людей, которых я перечислил выше, не стало крестных отца и матери, не стало друзей и коллег отца. Из старых профессоров в Риге остались только некоторые: Карлис Балодис, Доминик Калвелис, Александр Биезиньш, из Курземе вернулся Кристапс Рудзитис. На чужбину отправились, кажется, примерно

70% латышских врачей, больница рядом с нашим домом опустела.

По приглашению отца, тогда декана медицинского факультета, из Советского Союза прибыли такие профессора, как А. Шмидт, А. Лепукалн, Я. Бунэ, П. Герке; они приехали из Москвы, Ленинграда, Минска, Курска. Среди приглашенных были порядочные люди, хорошие специалисты, однако вскоре в том или ином из них приходилось горько разочаровываться. Создавалась совсем другая среда, иная атмосфера. В сталинскую эру старые времена, привычки стали понемногу забываться, все становилось нереальным, терялись связи, не доходили письма. Дома мы говорили о тех, кто уехал, как о чем-то очень близком, но одновременно и бесконечно далеко, как из потустороннего мира. После смерти Сталина, во времена хрущевской оттепели, связи эти частично восстановились. Помню, что профессор Е. Приманис (кстати, воспитанник Военно-медицинской академии) и еще 11 старых латышских врачей прислали отцу в 1975 году сердечное поздравительное письмо по случаю его выздоровления от инсульта. Наладилась теплая переписка, в том числе и с профессором Э. Дарзиньшем, доцентом Я. Аболиньшем, П. Пурвиньшем.

В 1958 году, в свое последнее лето, отец намеревался опубликовать призыв к латышским ученым и врачам на чужбине вернуться на родину, чтобы сообща строить новую Латвию. Но сделать этого он не успел, и хорошо, что не успел, ибо в контексте того времени такой призыв был нереалистичным и даже вредным, ибо через год наступило лето 1959 года, и из Латвии со своих постов «полетели» Эдуард Берклав, Вилис Круминьш, Карлис Озолиньш и другие. Оттепель сменилась глубокими заморозками на целые десятилетия.

Сейчас здесь, на конгрессе, я впервые имею возможность публично поблагодарить Вилиса Круминьша, который, будучи (до 1959 г.) вторым секретарем КПЛ, успел передать здание для Музея истории медицины, и, таким образом, гарантировать музею стабильное существование после смерти П. Страдыня. Я хочу поблагодарить также бывшего тогда попечителя науки и медицины в Совете Министров Латвийской ССР Эдуарда Берклава, с помощью которого было принято решение об увековечении памяти Паула Страдыня, его имя было присвоено

крупнейшей в республике больнице и Музее истории медицины. К сожалению, имена этих людей, так же как имена профессоров Е. Приманиса и Е. Алксниса, после 1959 г. нельзя было в Латвии упоминать даже в научных статьях, их старались вычеркнуть из истории. Правда, в последующие годы мы продолжили переписку с профессором Приманисом, с доктором Аболиньшем, могли издавать далеко наблюдать за активной деятельностью медиков старшего поколения, находившихся в эмиграции, изредка получали некоторые номера журнала, издаваемого эмигрантским Обществом врачей и стоматологов (*Latvijas ārstu un zobārstu biedrības apkārtraksts*), отыскивая в нем новые имена. Первый настоящий прорыв через десятилетиями строившийся бастион совершил Институт травматологии и ортопедии, профессор В. Калнберз и Х. Янсонс. Это они, а также профессор И. Лазовский и многократные знаменательные посещения Латвии доктора К. Кегги (кстати, внука проф. Л. Берзиня), и профессора Б. Зариньша проложили дорогу к нынешнему конгрессу. Жаль только, что старые латышские медики не дожили до этого дня.

Итак, в последние годы прямые культурные связи между двумя частями латышского народа возобновились. Появились публикации о Зенте Маурине, Аншлаве и Андрее Эглитисах, сборник избранных пьес и замечательные спектакли Мартиньша Зивертса, выступления ансамбля «Пятеро из Чикаго», размышления П. Стапанса в кабинете К. Ульманиса «Четыре дня в Латвии». Более глубокое познание деятельности ученых-эмигрантов, множество поездок, обогативших латышей в Латвии, — все это сопровождалось глубокими эмоциями.

Тем не менее ныне необходимы не столько эмоции, сколько четкая система осознания и возвращения культурного наследия из-за рубежа. Добавлю к этому еще необходимость передачи миру тех духовных ценностей, которые в различные времена были созданы в Латвии. Сейчас начинается лихорадочный, можно сказать, эйфорический обмен, тем не менее взаимная информированность должна быть более четкой, устремленной.

И еще: Латвия в долгу перед теми латышами, которые живут в других республиках. Создание национальных культурных обществ в Латвии в конце 1988 года нашло отклик у латышской общественности за ее преде-

лами. Созданы латышские общества в Москве и С.-Петербурге, в Москве учреждено латышское студенческое общество «Кришьянис». В поддержку этим организациям в Риге в апреле 1989 г. создано Общество латышей России. Естественно, что роль латышей, проживающих в Москве, С.-Петербурге и других городах России, сегодня не очень значительна для судеб Латвии, она не может быть определяющей, какова она была в 60-е годы XIX в., во времена К. Валдемара, К. Барона, Ф. Бривземниека. Все же в Латвии о соотечественниках знают очень мало, также мало знают о тех, которые не вернулись на родину после многострадальных путей 40-х годов. Может быть, какую-то часть ссыльных латышей можно было бы заинтересовать возвращением? Однако цели могли бы быть не только национально-политические, гуманистические, но и культурно-исторические, т. е. необходимо выявить те ценности культуры, науки и экономики, которые создавали и продолжают создавать латыши в России. По этим причинам в апреле 1989 г. в рамках недавно образованного Союза ученых Латвии создана исследовательская ассоциация «Латвия и латыши в мире», которая объединяет уже примерно 150 ученых и других заинтересованных лиц (главным образом специалистов-гуманитариев), и которую я имею честь возглавлять.

Каковы в этом аспекте основные цели ассоциации и даже всей общественности Латвии?

Необходимо создать ориентированную на научные цели базу данных об организациях, обществах, приходах, издательствах, школах, корпорациях, о выдающихся личностях среди латышей-эмигрантов, куда необходимо включить деятелей культуры и науки, возможно и предпринимателей, представителей других профессий, наиболее известных врачей, включая в базу данных и тех, кто работает ныне, и тех, кто ушел из жизни.

Необходимо активизировать действия, связанные с пополнением библиотеки Мисиня — этого наиболее полного хранилища латышских изданий, концентрируя до возможного предела в ней латонику, изданную во всем мире. То же относится, разумеется, и к Государственной библиотеке Латвии.

В перспективе задумано в течение, возможно, 10 лет издать новую энциклопедию «Латвия и латыши», синтезируя в ней все существенное из эмигрантских энцикло-

педий А. Швабе и Э. Андерсона, из изданий Советской Латвии и совсем новые сведения, которые до сих пор по различным причинам в энциклопедиях не содержатся. Срочно нужен элементарный справочник о латышах, проживающих вне Латвии, который бы дал широкую общественности в Латвии объективное представление о центрах латышей в эмиграции, организациях, издательствах, приходах, выдающихся личностях и т. д., в котором можно было бы вместе отыскать сведения, к примеру, о том, чем является народный университет Абрене (во Франции), лагеря 3×3 и др. К этой работе предполагается привлечь обновленную редакцию «Латвийская энциклопедия» в Риге.

Исследовательская работа заключалась бы как в обобщении собранного материала, так и в углубленных аналитических исследованиях. Это могли бы быть и с медицинской точки зрения актуальные для Латвии и для латышской эмиграции проблемные статьи по вопросам демографии и ассимиляции (как в издаваемом в Австралии проф. Э. Дунсдорфом сборнике «Archivs», т. 15), о сравнении ментальности латышей с чертами других народов, об исследовании исторических связей латышей, об исходящих из Латвии влияниях на различные отрасли науки, хозяйственную жизнь и художественную сферу. Это могли бы быть анализ персональных биографий и деятельности выдающихся личностей в контексте эпохи, истории латышских центров, обществ, корпораций, книгоиздательств, новое осмысление фактов истории, религии, мореходства, подобно тому, как это уже с 1968 г. проводится за границей в рамках организации AABS (Association for Advancement of Baltic Studies). Это могли бы быть исследования исторических судеб латышских колоний в СССР, исследования наименований «Рига» и «Латвия» на картах мира (название «Рига» мы можем найти и в Сибири, и в Швеции, даже во Вселенной, — этим именем названа одна из малых планет) и т. д.

Приведу несколько примеров из истории науки. Химик — латыш Рудольф Удрис, находясь в сталинских застенках в Ярославле, безнадежно страдая болезнью Меньера, открыл в 1942 году реакцию расщепления гипоперекиси кумола, неизвестную реакцию органической химии, которая легла в основу промышленного метода одновременного производства фенола и ацетона во всем мире.

LATVIJAS NACIONĀLĀ

BIBLIOTĒKA

93

10.907

В свою очередь Алфредс Апинис участвовал в разработке теории термоядерного взрыва (его научные поиски среди других привели в СССР к созданию водородной бомбы); Аугуст Летавет изучал проблемы защиты от радиации и профгигиену (именем этого ученого-медика названы вершина Тянь-Шань и горный перевал на Памире, поскольку он был к тому же и страстным альпинистом).

Из работ ученых латышей Запада можно выделить исследования М. Е. Страуманиса (США) по рентгенографии и коррозии металлов, исследования А. Дравниекса (США) по запахам, основополагающие работы Ю. Упатниекса (США) по голографии, достижения Я. Акермана в области конструкции самолетов и многое другое.

В Германии Рихард Свинне первым предсказал существование устойчивого трансуранового элемента с атомным числом 110. В Германии, продолжая деятельность, начатую в Риге, Пауль Вальден открыл новые закономерности электрохимии неводных растворов. Эти примеры можно продолжать и дальше, многие из упомянутых имен ученых латышского происхождения занесены в крупные энциклопедии мира и биографические справочники ученых, только не всегда подчеркнуто их латышское происхождение. Впрочем, необходимо помнить о том обстоятельстве, что представители точных и естественных наук, врачи чаще денационализируются, теряют свою национальность, зато нередко их вклад в мире имеет более высокий престиж, чем у исследователей гуманитарных «национальных» наук.

Опорными точками для начала таких исследований могли бы быть изданные за рубежом энциклопедии и справочники, упомянутое 30-томное издание «Archivs» Э. Дунсдорфа (Мельбурн, 1960—1990), латышские эмигрантские журналы и газеты, но конкретные материалы следует искать в соответствующей специальной научной литературе, в зарубежных университетских и личных архивах. Наш опыт написания истории науки Латвии свидетельствует, что многое можно сделать на энтузиазме, особенно используя силы узких специалистов соответствующей научной отрасли. Немало импульсов могли бы дать и культурно-национальные общества латышей России, если бы их удалось направить в культурно-историческое русло. Многие сведения о деятельности земляков на чужбине, которым суждено было исчезнуть, мы мог-

ли бы получить от их родственников и близких. Эта исследовательская работа немыслима без сотрудничества с зарубежными центрами — Университетом Западного Мичигана, латышской гимназией Мюнстера, латышским центром в Мельбурне, Ассоциацией содействия изучению Балтии, Объединением академических латышских преподавателей и ученых (LAMZA) в Нью-Йорке, которое уже предложило свою поддержку.

Надо опираться на взаимное доверие, обмен, и эта работа должна, на наш взгляд, быть не только скоординированной с эмигрантскими кругами, но и во многих случаях совместной.

В любом случае достигнутое латышами за рубежом должно в полной мере находиться в обиходе в Латвии, чтобы не было ненужного научного дублирования, чтобы мы, как говорится, не изобретали велосипед. Правда, необходимо осознать, что совместную работу может затормозить недостаток источников информации (часто информация не доходит до Латвии и будучи высланной из-за границы) и также недостаток всесторонне подготовленных специалистов.

В Латвии очень заинтересованы в появлении всеобъемлющего исследования о латышских медиках в эмиграции, мы обращаемся к коллегам за рубежом с просьбой создавать таковые, может быть в сотрудничестве с Музеем истории медицины, доктором А. Виксней и его коллегами.

В контексте упомянутых проектов предусмотрено также усвоение культурного наследия других народов Латвии, наших земляков — немцев, русских, поляков, евреев и других, проживающих вне Латвии, если только эти люди учились и выросли в среде Латвии и хотя бы частично несли в мир тамошние традиции. Сотрудничество с общественными кругами балтийских немцев — например, культурным обществом им. Карла Ширрена — уже началось в рамках Латвийского культурного фонда.

Нельзя забывать также и о вкладе еврейских коллег, среди которых были замечательные латвийские врачи, напомним хотя бы профессора В. Минца, который лечил В. И. Ленина после ранения и в качестве вознаграждения просил только, чтобы ему разрешили из Советской России возвратиться в 1920 году в родную Латвию. Положительные импульсы для Латвии дали и русские врачи, к при-

Меру, одним из основоположников бальнеологии был позже высланный из Москвы Александр Лозинский, память которого, а также доктора Я. Либиетиса и профессора К. Рудзитиса, почтили в 1988 году на юбилейном праздновании 150-летия курорта Кемери. Вклад этих людей также входит в понятие Латвия.

Думаю, что со временем в Риге могла бы образоваться своего рода база Латвийского института (или Балтийского института). Ведь ненормально, что проблемы настоящего Латвии и ее истории, в широком, международном контексте, изучают и документируют в США, Канаде, Швеции, ФРГ, даже в далекой Австралии, а не в самой Латвии.

Развернутая с размахом исследовательская деятельность, без сомнения, способствовала бы процессу самосознания латышского народа, изучению национальной психологии, а возможно, и национальной самокритики.

Наша общая задача — осознать и показать не только самим себе, но и всему миру, что дали латыши, к примеру, мировой медицине, или, шире — всей науке. Некоторые открытия уже в прошлом были сделаны латышами за пределами своей родины, например, профессор Роберт Кримберг открыл карнитин (витамин В₁), работая в Москве, профессор Вальтер Кикут в Германии открыл противомаларийный препарат атебрин, который в России именуется акрихин. Рижанин Эрнст фон Бергман ввел асептический метод в хирургии, сын лесника из Лайдзе Освальд Шмидеберг выделил мухоморный яд мускарин и сделал немало открытий в фармакологии, начал издавать и известный фармакологический журнал («Naunyn-Schmiedeberg's Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmakologie»).

В свою очередь латыши эмигранты могли бы напомнить миру, что некоторые научные открытия совершены и в Латвии — европейской провинции, о которой многие надменно думают, что здесь ничего особенного не может произойти. Говоря о более близкой мне области — химии, напомним, что будущий лауреат Нобелевской премии Вильгельм Оствальд начал развивать в Риге в 1881—87 гг. физическую химию как самостоятельную дисциплину, неоднократно выдвигаемый на Нобелевскую премию ученый латышского происхождения Паул Вальден сделал выдающиеся открытия в области неводных раство-

ров, по проблеме происхождения нефти, в стереохимии органических соединений. Эдвин Эгриве и Густав Ва-наг открыли новые важные аналитические реагенты, а молодой инженер Фридрих Цандер, сын рижского врача, в отцовском доме в Засулауксе, устроил первую в мире «космическую оранжерею».

Вспомним также медицинский факультет Латвийско-го университета, который в 1989 году отмечал свое 70-летие; здесь синтезировались традиции западной, восточной, северной медицины, выросли латышские врачи и ученые, эти традиции окончательно не утрачены и сегодня.

Небольшое отступление. В довоенном Латвийском университете, и на его медицинском факультете, действовали разнообразные студенческие общества и корпорации — «Земгалия», «Ауструмс», «Летония», «Селония», «Талавия» и другие. Для медиков традиционными, очевидно, были корпорации «Летония» (осн. в 1870 г.), «Фратернитас Метрополитана» (осн. в 1896 г.), для фармацевтов — «Летгалия» (осн. в 1899 г.). Напомню, что традиции старейшей корпорации «Летония» идут из Дерпта, она была более ориентирована национально, традиции «Фратернитас Метрополитана» — из Санкт-Петербурга, она была более космополитична. В списке филистров «Летония» находим имена профессора Е. Алксниса, его сына доктора А. Алксниса, профессора Э. Путниня, М. Зиле, доцента В. Миленбаха, докторов А. Байдиня, Я. Ледыня, Р. Павасара, О. Войта; среди филистров «Фратернитас Метрополитана» — профессора Е. Приманиса, К. Рудзитиса, П. Сникера, П. Страдыня, М. Вейдеманиса, доцента Е. Романа, доктора А. Экштейна, Я. Либиетиса, они группировались вокруг генерала медицины профессора П. Сникера. Не надо ли подумать сегодняшним медикам о возобновлении хотя бы этих трех студенческих организаций в Риге, учитывая то, что все эти и еще другие (всего 19) латышские «исторические» корпорации существуют за границей, имеется объединение латышских корпораций

* Действительно, в 1989 г. воссоздан ряд исторических корпораций, в том числе три названные выше. Местопребыванием корпорации «Фратернитас Метрополитана» в настоящее время временно являются помещения Музея истории медицины им. П. Страдыня, а корпорация «Летгалия» проводит свои конвенты в Музее фармации.

в Нью-Йорке. Созданием таких корпораций можно было бы установить тесные связи между латышскими студентами и академическими кругами Латвии и за рубежом.

Сегодня после необоснованных самовосхвалений, пустословной апологетики минувших лет мы стали к себе критичными, суровыми, и это хорошо. Но можно объективно признать, оценивая как бы со стороны, что и в Латвии в течение прошедших 45 лет время не стояло на месте, что и здесь имеются достижения в медицинской науке. Вспомним хотя бы латинско-русско-латышский словарь медицинской терминологии К. Рудзитиса, Музей истории медицины с его фармацевтическим филиалом, разработанные Институтом органического синтеза Латвийской академии наук оригинальные медицинские препараты (фторафур, милдронат, форидон), которые пробили себе дорогу в мир крупных иностранных фармацевтических фирм — от «Тайхо» в Японии до «Мерион Лабс» в США.

Напомню также, что именно здесь, в этом же Рижском дворце спорта, летом 1970 года на VII Международном симпозиуме химии природных соединений, лауреат Нобелевской премии Х. Хорана сделал сообщение о синтезе первого искусственного гена — аланинтрансферазы, именно в связи с этим Рига упоминается в истории современной биологии. Рижане тогда выступили больше в роли гостеприимных хозяев. И все же имена наших медиков и исследователей в смежных отраслях встречаются достаточно часто в издании Гарфилда «Science Citation Index». Это свидетельствует о том, что, несмотря на чаще всего неблагоприятные обстоятельства, ученые Латвии не только брали у науки, но и давали науке. Мы надеемся, что в будущем, после оздоровления нашей медицины, это будет иметь место еще в большей мере.

Ситуация латышского народа сегодня исключительно сложна. Мы должны одновременно заниматься многими вещами: освободиться политически и экономически и одновременно достичь уровня развитых стран Европы, в том числе и в медицине, от этого мы стоим, к сожалению, сегодня еще дальше, чем полстолетие тому назад. Поэтому исключительно важно, чтобы названия Латвия и Балтия зазвучали в Европе и в мире, и не только как географические понятия, не только как место по-

литического авангардизма и потенциальных преобразований Союза ССР, но и как понятие самостоятельного, наделенного богатыми культурными традициями государства Европы. К сожалению, о Латвии знают мало. В Помпеях некая немолодая немецкая дама, когда я сказал, что приехал из Латвии, посмотрела на меня как на девятое чудо света и, качая головой, с сожалением произнесла «забытый народ». И еще совсем недавно, месяц тому назад, здесь, в Риге, один датский физик скептически заметил: «А чем вы собственно здесь отличаетесь от России?». Надо нам самоутвердиться, показать себя с хорошей стороны, получить кредит доверия, и в этом латыши эмигранты могли бы прийти нам на помощь, несмотря на то, что сегодня мы, возможно, и являемся бедными родственниками. Что же мы можем дать взамен? Единственное — сохранить и развивать нашу общую родину, что мы, плохо или хорошо, и делали все эти годы, ибо смысл существования латышской нации на чужбине будет лишь тогда, если будет существовать и сохранится Латвия.

Осознать вклад латышского народа в глобальных масштабах XX столетия, разбросанных по всему свету тружеников духа, включая медиков как в прошлом, так и в настоящем, оценить их успехи и ознакомить с ними современное общество Латвии, а также Европу и мир — такова наша задача. Нужно направлять идеи и работу латышей и соотечественников других национальностей, живущих за пределами Латвии, на благо Латвии, повышать престиж латышей, добрую славу у нас и повсюду.

И главное, — создать в Латвии новое поколение европейски ориентированных врачей, специалистов, ученых, хозяйственных работников. Первым шагом на этом пути единения является Всемирный Конгресс латышских врачей.

Этот год по японскому календарю — год змеи, он благоприятен для медиков, может быть поэтому врачи сегодня — в авангарде.

Последует XX Всеобщий латышский праздник песни с приурочением к нему Форума латышей мира, и, наконец, в 1991 году задуман также Всемирный конгресс латышских ученых, на который многих из вас мы уже осмеливаемся сейчас пригласить. Мы находимся еще в самом нача-

ле, когда неизвестность, сомнения и неверие сменяются надеждой, однако, дорогу осилит идущий.

Давайте вместе идти дорогой в будущую Латвию, красивую и цветущую, свободную и равноправную в семье народов мира. Дорога будет очень трудной, но это то единственное, что может спасти латышский народ, сохранить его для будущего.

LATVIA AND THE LATVIANS IN THE WORLD

JĀNIS STRADIŅŠ

Riga

The text of the inaugural lecture is published which was delivered by the author at the I World Congress of Latvian Physicians in Riga on the 19th of June 1989. Current problems of the identity, demography and the right for self government are characterized in this lecture as well as the ties of the population of Latvia with the diaspora (Latvians in exile). The formation of the diaspora, its economical and political development in exile in the 19th and 20th centuries are shown. Historical and cultural facts about the contribution of Latvian scientists to world science, about those discoveries of Latvian scientists which have been made, outside Latvia are mentioned. The activities of the Latvian scientists' unions' research association «Latvia and Latvians in the World» (1989) are characterized as well as cooperation with Latvian physicians in exile.

Academicus professor

Dr. chem. habil. Jānis Stradiņš

Tērbatas iela Nr. 5 dz. 4

LV-1050, Riga, Latvia